

По отношенію къ Декурселю это неудивительно, такъ какъ онъ родной племянникъ д'Эннери.

* * *

Вольтеръ и новое сочиненіе о немъ. Во времена Ренессанса идеаломъ просвѣщеннаго человѣка былъ homo universale. Этому высокому идеалу отвѣчали два мужа той эпохи — Альберти и Ліонардо-да-Винчи. Они были всеобъемлющими геніями: они были знакомы съ математикою и физикою, имѣли громадныя свѣдѣнія въ инженерномъ искусствѣ, исполняли сложныя техническія работы, а затѣмъ, оставивъ на время практическую дѣятельность, погружались въ творческія грезы и создавали дивныя произведенія идеальнаго искусства. Немало было въ то время людей съ разносторонними свѣдѣніями, но людей со свѣдѣніями всесторонними было только двое и они — упомянутые Альберти и Винчи — имѣли право сказать о себѣ, что «люди могутъ сдѣлать все, если только этого пожелаютъ».

Людей вѣка, вродѣ Вольтера, было немного. Но «всесторонній индивидуумъ» есть удивительное чудо природы, которая изъ десятка великихъ людей избираетъ самаго выдающагося изъ нихъ. Впрочемъ, эпоха Возрожденія не была бы другою, если бы Альберти не существовалъ, и вѣкъ Ренессанса не потерялъ бы своихъ чертъ, не имѣя homo universale. Не такъ обстоитъ дѣло съ человѣкомъ своего вѣка — Вольтеромъ. Физиономія XVII столѣтія была бы иною, если бы не было Вольтера. Правильнѣе сказать, что имя Вольтера неразрывно съ понятіемъ о XVIII вѣкѣ. Альберти и Ліонардо были геніями знанія, Вольтеръ же былъ геніемъ дѣйствія. Тѣ были пассивными, а этотъ активнымъ чудомъ своего времени.

Дѣятельность геніевъ своего вѣка нельзя разсматривать по частямъ. Ихъ работу нужно изучать, какъ нѣчто цѣлое. Въ частности тотъ или другой фактъ изъ ихъ жизненной дѣятельности можетъ заслуживать упрека, но ихъ жизнь, какъ цѣлое, представляетъ собою гармонію. Тайна ихъ вліянія на общество заключается въ необыкновенной силѣ ихъ выраженія мыслей. Они покоряютъ сердца людей всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами: остроуміемъ, веселостью, сатирою, юморомъ, граціею мысли и чувства и, наконецъ, оскорбительными, злыми выходками, ядомъ насмѣшки и страстнымъ бичеваніемъ пороковъ. И если такой борецъ за идею переступаетъ въ томъ или иномъ отношеніи мѣру, то цѣлое имѣетъ все же неотразимую силу. Намъ могутъ сказать, что Вольтеръ какъ драматикъ — посредственъ, какъ романистъ не отличается богатствомъ замысла, какъ лирикъ — ложно сентименталенъ, какъ эпическій поэтъ — расплывчатъ, какъ историкъ — недостоверенъ и поверхностенъ, но мы должны отвѣтить, что его дѣятельность въ цѣломъ составляетъ рѣшающій моментъ въ вопросѣ о его значеніи для XVIII вѣка. Вольтеръ отражаетъ въ себѣ всѣ хорошія и дурныя стороны своего вѣка: онъ воплощеніе энциклопедистики, литературная «міровая душа» всего вѣка. По всей справедливости эпоха энциклопедистики должна быть названа вѣкомъ Вольтера, въ произведеніяхъ котораго сливаются въ одномъ аккордѣ всѣ тенденціи того времени.

Эти размышленія вызываетъ книга Іосифа Понпера «Вольтеръ, анализъ его характера въ связи съ вопросами эстетики, морали и политики, 1905 годъ». Литературная физиономія Понпера извѣстна на Западѣ.

Инженеръ по профессіи и философъ по влеченію, Попперъ съ одинаковымъ успѣхомъ подвизается въ области отвлеченной мысли и практической дѣятельности. Математика, физика, электротехника, механика суть предметы его спеціальнаго изученія, а его философскія статьи, касающіяся права, морали и государственныхъ вопросовъ, приобрѣли ему уваженіе въ широкихъ кругахъ. Попперъ принадлежитъ къ энергетикамъ среди натуръ-философовъ нашего столѣтія, которые подъ руководствомъ Оствальда начинаютъ образовывать школу.

Идеаломъ Поппера является Вольтеръ, значеніе коего для новаго времени онъ пытается объяснить обществу. Въ своемъ сочиненіи о Вольтерѣ Попперъ затрогиваетъ и другіе вопросы, на примѣръ, эстетическія проблемы и особенно свою любимую тему—вопросъ о войнѣ и мирѣ. Книга Поппера является полемическою и тенденціозною и дѣлью ея служатъ очищеніе Вольтера отъ обвиненій, брошенныхъ ему. «Вольтеръ» Поппера—блестящая защита человѣка и писателя, поэта и мыслителя, историка и энциклопедиста; это—филиппика, обращенная къ неблагодарному потомству.

Такимъ образомъ «Вольтеръ» Поппера не историко-литературное и не историко-философское сочиненіе, но образецъ ораторскаго краснорѣчія. Такъ какъ лучшею защитою, по мнѣнію Поппера, является ударъ противникамъ, то апологія Вольтера обращается у Поппера въ обвинительную рѣчь противъ историко-литературныхъ враговъ великаго французскаго энциклопедиста.

Мы нуждаемся въ хорошемъ сочиненіи о Вольтерѣ. Старые предразсудки относительно его еще не совсѣмъ исчезли, а между тѣмъ онъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ представителей просвѣщенія, которое господствуетъ у насъ и понынѣ. Но сочиненіе Поппера о Вольтерѣ, вышедшее недавно въ Дрезденѣ, не можетъ быть признано безукоризненнымъ.

Авторъ хочетъ сдѣлать справедливую оцѣнку Вольтера, выдвигая особенно его писательскій талантъ и безпристрастіе.

Попперъ видитъ и ошибки Вольтера, о которыхъ такъ строго судили уже и прежде. Многое нужно отнести на счетъ его времени и нравовъ и не считать темныя стороны въ жизни Вольтера его индивидуальною особенностью. Хитрости Вольтера объясняются положеніемъ его какъ члена общества во Франціи того времени. Но въ вину ему должны быть поставлены: дѣло Мопертюи, процессъ съ банкиромъ Гиршемъ въ Берлинѣ и невѣроятная интрига противъ книготорговца Грассе. Извинить всѣ эти некорректности въ поступкахъ Вольтера невозможно, хотя въ XVIII вѣкѣ корректность въ общественной и частной жизни и не была еще строга.

Чтобы оправдать Вольтера, Попперъ обвиняетъ другихъ; таково, на примѣръ, его отношеніе къ Вольтеру въ конфликтѣ съ Лессингомъ или Фридрихомъ Великимъ. Попперъ ставитъ Фридриха ниже Вольтера, така какъ король былъ человѣкоубійцею, между тѣмъ какъ Вольтеръ любилъ людей и ненавидѣлъ войны. Вольтера обвиняли въ томъ, что онъ былъ льстивымъ царедворцемъ,—Попперъ защищаетъ Вольтера и въ данномъ случаѣ и для этого отклоняется отъ темы въ сторону, указывая на Гёте, котораго онъ называетъ истиннымъ царедворцемъ. Попперъ обвиняетъ и Шиллера, которому приписывается сервиллизмъ, без-

участное отношеніе къ связи Гёте съ Христіаною Вульпіусъ и продѣлки Шиллера по отношенію къ его издателю. Эти ссылки на Гёте и Шиллера не имѣютъ отношенія къ Вольтеру, а разъ эти вопросы затронуты у Поппера, то на нихъ нужно было дать и справедливый отвѣтъ. Попперъ же говоритъ о Гёте и Шиллерѣ все вышеупомянутое только для того, чтобы доказать, что Вольтеръ въ нравственномъ отношеніи не ниже ихъ. Такъ же унижается по сравненію съ Вольтеромъ и Фридрихъ, о которомъ Попперъ говоритъ, что онъ «безъ Вольтера и французскихъ литераторовъ не имѣлъ бы значенія въ исторіи европейской культуры и самъ не имѣлъ никакихъ самостоятельныхъ идей». Затѣмъ Попперъ говоритъ о Фридрихѣ, какъ о гигантѣ по таланту и энергіи. Такъ у Поппера одновременно двѣ мѣрки, которыя онъ прилагаетъ къ великимъ людямъ, не уясняя ихъ значенія.

Обращаетъ на себя вниманіе несогласіе Поппера съ прочими критиками и біографами Вольтера. Исторія оцѣнки фернѣйскаго философа была бы весьма интересна, какъ изложеніе взглядовъ культурнаго общества со времени Вольтера до нашихъ дней. Исходнымъ пунктомъ послужили бы сужденія современниковъ Вольтера, которые были бы не безпристрастны. Затѣмъ шли бы неблагопріятные отзывы послѣдующихъ поколѣній, такъ какъ времена измѣнились, и эпоха Просвѣщенія отличалась направленіемъ, съ которымъ боролись романтики. Этимъ объясняется неблагопріятное мнѣніе Шиллера о Вольтерѣ. Гёте относится къ знаменитому энциклопедисту уже болѣе справедливо и признаетъ громадное значеніе Вольтера для его современниковъ.

Въ Германіи для выясненія значенія Вольтера впервые много потрудился Штраусъ, а затѣмъ нужно указать на Ницше. Слѣдуетъ упомянуть и объ отличномъ очеркѣ Закмана «Вольтеръ какъ философъ»; то, что Закманъ говоритъ объ идеѣ Божества у Вольтера, по своей основательности оставляетъ далеко позади себя невѣрные и поверхностные выводы Поппера касательно этого предмета. Въмѣсто того, чтобы изложить исторически оцѣнку Вольтера, мы находимъ въ книгѣ Поппера лишь сопоставленіе различныхъ неблагопріятныхъ отзывовъ о Вольтерѣ, которые нашъ критикъ встрѣчаетъ у Гёте, Шиллера, Карлейля, Фаге, Геттнера и Штрауса. При этомъ Попперъ ищетъ мотивовъ неблагопріятныхъ отзывовъ и объясняетъ ихъ по своему.

Мнѣніе Шиллера о драмахъ Вольтера, что въ нихъ мы встрѣчаемъ разсудокъ, а не чувство, Попперъ оспариваетъ указаніемъ на слезы парижскаго общества, проливаемые во время исполненія вольтеровскихъ трагедій, и затѣмъ говоритъ:

«Сужденіе Шиллера является доказательствомъ его высокоумія или предубѣжденности».

Попперъ отказываетъ Шиллеру въ правѣ и способности высказывать сужденія въ вопросахъ художества, которыя были бы обязательны для всѣхъ, такъ какъ въ вопросахъ эстетики нѣтъ абсолютнаго мѣрила.

Геттнеръ называетъ тонъ Вольтера легкомысленнымъ, Попперъ возражаетъ на это, утверждая, что такое мнѣніе высказывается, съ цѣлю прикрыть тяжеловѣсность въ слогѣ и изложеніи самого Геттнера; обвиненіе же Геттнеромъ Вольтера въ пошломъ честолюбіи кажется Попперу безумнымъ.

Вольтеръ, конечно, долженъ казаться несимпатичнымъ Карлейлю;

Попперъ возмущается сентиментальностью Карлейля и видитъ въ религіозномъ воспитаніи Карлейля причину его отвращенія къ Вольтеру.

Что касается Штрауса, то Попперъ признаетъ его заслуги въ дѣлѣ выясненія значенія Вольтера. Отзывы выдающихся писателей, неблагоприятные Вольтеру, объясняются Попперомъ, какъ результатъ лично враждебнаго отношенія къ знаменитому французскому энциклопедисту.

Попперъ недоволенъ Штраусомъ, назвавшимъ Вольтера не спокойнымъ свѣточемъ, но лишь вспыхивающимъ огонькомъ. «Этимъ Штраусъ хотѣлъ сказать», утверждаетъ Попперъ, «что нѣмецкіе гении и особенно Гёте—люди иные и высшаго разряда, чѣмъ гении французскіе, хотя бы это былъ и Вольтеръ». Затѣмъ Попперъ говоритъ, что значеніе Гёте въ исторіи культуры далеко не такъ велико, какъ значеніе Вольтера.

Защитникъ Вольтера оказывается, какъ мы видимъ, историко-литературнымъ прокуроромъ, который обвиняетъ весь Парнасъ XIX в., дававшій отзывы о французскомъ энциклопедистѣ. Если критики Вольтера говорятъ о слабости его характера, объ ошибкахъ или литературныхъ недостаткахъ, то Попперъ старается ослабить обвинительные пункты и превратить ихъ въ пункты нападенія на обвинителей. При этомъ Попперъ не придаетъ значенія отзывамъ французскихъ и англійскихъ критиковъ. Но Попперъ не хотѣлъ писать ученой книги о Вольтерѣ, а желалъ только рѣзко запечатлѣть въ умахъ своихъ современниковъ свой взглядъ на Вольтера.

Взглядъ Поппера на Вольтера, какъ на «наивное, прелестное, разумное, образованное, сильное и лучшее дитя своего вѣка, которое когда-либо существовало», есть не мнѣніе изслѣдователя, но риторическій оборотъ защитника. Попперъ же дѣйствительно и хочетъ быть защитникомъ, а не изслѣдователемъ. Процессъ Вольтера съ потомствомъ долженъ быть основательно пересмотрѣнъ, вульгарное мнѣніе о немъ оставлено. Попперъ начинаетъ ревизію процесса, выясняя заговоръ потомства противъ великаго человѣка, литературное царубійство (какъ выражается Попперъ), которое онъ выноситъ для суда на форумъ XX столѣтія.

Въ преддверіи великой французской революціи Вольтеръ былъ верховнымъ жрецомъ энциклопедистики, непогрѣшимымъ главою всемирной литературы. Онъ былъ «первымъ человѣкомъ, охватившимъ своимъ умственнымъ взоромъ интересы людей всѣхъ странъ. Правда, онъ былъ *enfant terrible* своего времени, но это «страшное дитя» освободило умы людей отъ боязни, граничащей съ чувствомъ холопа. Смѣлость Вольтера внушила обществу довѣріе къ своимъ силамъ. Сочиненія Вольтера для Поппера—не литературныя произведенія, но сраженія, и притомъ выигранныя.

Въ борьбѣ съ суевѣріемъ Вольтеръ безстрашенъ. Онъ не признаетъ ни догматовъ, ни откровеній, ни небесныхъ, ни земныхъ владыкъ и отвергаетъ писанные и неписанные законы.

Служать ли такіе разрушители или столпы отрицанія во благо человѣчества? Это зависитъ отъ времени. Если въ данную эпоху скопилось слишкомъ много предразсудковъ и суевѣрій, то нужна Геркулесовская сила, чтобы очистить Авгіевы конюшни. Если господствовавшія мнѣнія теряютъ свою силу, обветшалыя учрежденія падаютъ, то сильная буря, которая смететъ все это, явится въ глазахъ потом-

ства благодѣтельною, и чѣмъ короче судороги умирающей культурной системы (въ данномъ случаѣ средневѣковой), тѣмъ лучше для чело-вѣчества. Вольтеръ же сократилъ этотъ гибельный процессъ, можетъ быть, на цѣлое столѣтіе, такъ какъ онъ подготовилъ общество къ вос-пріятію идей великой французской революціи.

Моцартъ. Вольфгангъ-Амедей Моцартъ!

Когда въ наши дни произносится это имя, то невольно является вопросъ, находимся ли мы еще и теперь подъ обаяніемъ этого имени. Мы празднуемъ въ эти дни 150-ти-лѣтіе дня рожденія Моцарта, и по-клоненіе ему является для музыкантовъ и любителей дѣломъ чести, обя-занностью и отчасти модою. Но нельзя отрицать и того, что великій ма-стеръ все еще занимаетъ въ царствѣ музыки одно изъ высшихъ мѣстъ.

Моцартъ, впрочемъ, давно уже не находится въ средоточіи обще-ственной музыкальной жизни, интересъ къ нему отчасти уже историко-художественный. Его исполняютъ еще, но это дѣлается съ тѣмъ, чтобы выказать уваженіе къ памяти великаго музыканта. При исполненіи же произведеній Моцарта нѣтъ недостатка въ знакахъ удивленія; всѣ признаютъ его прелесть, тонкость и веселость, но чувствуется, что эти знаки почтенія вызываются вѣжливостью, такъ какъ никто не хочетъ быть уличеннымъ въ неуваженіи къ признаннымъ геніямъ. Современ-ность, кажется, не понимаетъ уже болѣе Моцарта, напримѣръ, его *C-dur* симфонія считалась чѣмъ-то священнымъ, и въ ея заключительной фугѣ музыка какъ бы открывала одну изъ своихъ глубочайшихъ тайнъ, а теперь эта громовая симфонія считается чѣмъ-то изящнымъ и граціоз-нымъ. Изъ этого видно, что одни и тѣ же звуки вызываютъ различныя впечатлѣнія въ разное время и, быть можетъ, черезъ 100 лѣтъ полетъ Валькирій будетъ исполняться въ антрактѣ, какъ устарѣвшая бездѣлица...

Иныя времена, иные вкусы! Моцартъ не можетъ быть болѣе во-ждемъ въ общественной музыкальной жизни, онъ уже болѣе не тотъ, кѣмъ онъ былъ почти цѣлое столѣтіе. Около 1815 года слава Моцарта была весьма велика. Одновременно съ этимъ рояль все болѣе и болѣе дѣлался домашнимъ инструментомъ, и въ каждомъ домѣ можно было найти Мо-царта; изъ оконъ слышались его мелодіи. Никто до него не воспѣвалъ такъ любви и счастья, и никогда небо не имѣло на землѣ посланника, который сочеталъ бы столько любящихъ сердець, какъ Моцартъ.

Моцартъ зналъ и серьезную жизнь, въ этомъ достаточно убѣдиться, взявъ первые такты увертюры «Донъ-Жуана» или «Волшебной флейты». И въ пониманіи серьезности жизни заключалась веселость Моцарта. Онъ, оставаясь всегда здоровымъ оптимистомъ, даже во время нужды нахо-дилъ утѣшеніе въ радостномъ отношеніи къ жизни. Для Шопенгауэра музыка была чѣмъ-то вродѣ міровоззрѣнія, философіею въ звукахъ, а сколько мудрости находимъ мы въ операхъ Моцарта, въ его короткихъ мелодіяхъ. Моцартъ былъ мастеромъ музыкальной сентенціи и въ этомъ смыслѣ онъ сдѣлался наставникомъ нѣмецкой семейной жизни, которая какъ бы развивалась при звукахъ его музыки, и Вѣна должна гордиться тѣмъ, что она принесла этотъ божественный даръ нѣмецкому народу.

Родившись въ Зальцбургѣ, Моцартъ все же долженъ считаться вѣн-цемъ; его сердце лежало къ Вѣнѣ, здѣсь онъ провелъ послѣднія 10 лѣтъ своей слишкомъ короткой жизни и здѣсь же создалъ свои лучшія про-